

СТРУКТУРНЫЙ ИЗОМОРФИЗМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Социология пытается объяснить любое явление, которое становится объектом ее исследования, через многообразие социальных оснований. Обращая свой метод на себя самое, она должна раскрыть строение собственного продукта — социологического дискурса. Изучение социологических публикаций — один из шагов в этом направлении. В настоящей работе представлен анализ 99 статей, опубликованных в журнале «Социологические исследования» за 1996 год.¹ Отметим особо, что речь идет лишь об институционализированном дискурсе, отвечающем критериям «публикуемости», принятым в официальном издании РАН.

Рациональные научные конструкторы, такие как категории, понятия, представления, практические схемы, являются социальными объектами, с чем вынуждены согласиться даже исследователи, придерживающиеся аналитической традиции [21–23, 27, 46, 58]. Это означает, что они либо выступают в роли социальных структур, либо ими определяются. Социологический дискурс всегда социально ограничен, находится в рамках некой исторической определенности; он условен и относителен. Границы этой условности и относительности призвана зафиксировать социальная структура дискурса.

Стараясь найти социальные основания социологического дискурса, мы склоняемся к тому, чтобы видеть за множеством внешних проявлений гармонию скрытых сущностей. Дискурс, понимаемый социологически, не есть средство познания или репрезентации истины. Он не сводится к системе социологических знаний. Здесь дискурс выступает как средство выражения, производимое полем социальной науки², и в таком качестве он имеет лишь опосредованное отношение к истине и информации. Дискурс не обязан отражать положение дел в социальной действительности, но что же он в таком случае выражает? Он выражает совокупность отношений, которые обусловлены субъектом, производящим данный дискурс [1].

¹ Исключая рецензии, переводы, «круглые столы» и т.п.

² «Поле науки как система объективных отношений между достигнутыми (в предшествующей борьбе) позициями является местом конкурентной борьбы (т.е. пространством игры), специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет, определяемый как техническая способность и — одновременно — как социальная власть, или... монополия на научную компетенцию, понимаемую как социально признанная за определенным индивидом способность легитимно (т.е. полнолично и авторитетно) говорить и действовать от имени науки» [6, с. 16].

Понятие дискурса пришло в социальную науку из лингвистики, а «беда — или же прелесть — работы лингвистов в том, что нелегко договориться о смысле употребляемых ими слов» [60]. П. Серию вычленяет восемь значений термина «дискурс»: 1) любое высказывание, т. е. «речь» (по Ф. де Соссюру); 2) единицу, по размерам превосходящую фразу; 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации высказывания; 4) беседу как основной тип высказывания; 5) речь с позиций говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такую позицию (по Э. Бенвенисту); 6) речевую актуализацию единиц языка; 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний, например, «феминистский дискурс»; 8) теоретический конструкт, используемый в исследованиях условий производства текста [14]. В любом случае, дискурс выступает центральным моментом «движущегося потока человеческого опыта» [7], включая, разумеется, и специфический социологический опыт. Когда начинается эмпирическое изучение дискурса, «происходит разрыв с определениями лингвистов», так как он становится конкретным предметом исследования исключительно за счет связи с социально-историческими условиями своего порождения [8].

СМЫСЛ И РАЗЛИЧИЕ

Традиция Просвещения дала дефиницию понятия «смысл», противопоставив общему понятию — как его производное значение (аналогичное, сопутствующее, косвенное), отличное от основного, которое определяется «не столько самим словом, сколько его сочетанием с другими словами во фразе», в силу чего «можно говорить и о *смысле* слова, и о *смысле* фразы» [4]. Г. Фреге определил парадигму исследований «смысла» в XX веке, введя его через его различие с понятием «значение»: если значение есть отношение означаемого (предмета или положения дел) к означающему (знаку, термину, суждению), то смысл — отношение между означающими [15].

Социологический дискурс реализуется в виде объединенной и согласованной последовательности суждений, относительно завершенной в смысловом и структурном плане. Каждое суждение участвует в нескольких отношениях [34], из которых для нас представляют интерес лишь три. Первое — *денотация*: социологическое суждение отображает некое положение дел. Второй тип — *манифестация*. Это отношение, связывающее суждение и агента, который производит данное суждение. Третье отношение называется *сигнификацией* и соотносит концепты друг с другом, а также связывает это суждение с другими суждениями. Разъясним сказанное на примере:

«Именно властные структуры — будь то государство, экономические и политические элиты и даже криминальные авторитеты — обеспечивают стабильность системы либо дестабилизируют общество. Трансформации в российском обществе — результат активности социальных субъектов, акторов исторической драмы, но этими субъектами выступают не «третье сословие», как это было во Франции, не «пионеры», осваивавшие североамериканский континент, но фигуры императора, вождя, руководящей партии (точнее, ее правящей верхушки), президента и его окружения и, как мы наблюдаем сегодня, теневых олигархов и авторитетов» [18].

Приведенные суждения, во-первых, *денотируют* (обозначают) определенную социальную ситуацию или сложившееся в России положение; во-вторых, *манифестируют* (выражают) знания агента дискурса об этой ситуации или его убеждения (предположения, верования...); в-третьих, *сигнифицируют* — устанавливают *смысл* этого параграфа. В приведенном примере смысл устанавливается отношением концептов, а именно: властные структуры/граждане.

«Смысловое отношение» проявляется в том, что идеальное содержание концепта (или суждения) и того, что с ним соотнесено (т. е. концептов или суждений), меняются при изменении содержания любого из них. Как отмечал Аристотель, сущность есть то, что она есть, лишь в отношении с другим; для соотнесенного существовать — значит находиться в каком-либо отношении к другому [2]. Социологические суждения существуют исключительно в отношении к смыслам и значениям, производимым социальной наукой. Отсюда, социологические суждения как единства смыслов и значений обусловлены системой отношений терминов социологического дискурса. Реконструируя эти отношения, мы в состоянии экспериментально определить социологические смыслы, которые называем *различиями*. Структура различий есть порождающая структура социологического дискурса.

«Социологическое различие» — это «первообразная» социологических суждений. Любую совокупность суждений можно *социо-логически* редуцировать к конечному ансамблю различий. В нашем исследовании различия обычно объективируются в виде бинарных оппозиций: Запад/Восток, левый/правый, государство/гражданское общество... Согласно постулату структуры [56], любой дискурс организуется и направляется подобными различиями. Впервые это доказал еще в пятидесятых годах XX века Чарльз Осгуд [53, 54]. Ансамбль различий оформляет горизонт социологического познания. Различия суть среда жизненного мира [55]. Они конструируются в ходе феноменологической редукции и деконструкции дискурса [35, 36, 41, 43, 44].

В собственном значении, *социологическое различие* — это реализующееся в дискурсе отношение, в котором одна группа означающих (концептов или суждений) коррелирует с другой группой означающих (концептов или суждений). Оно отражает смысловую определенность «лексемы» (т. е. ансамбля суждений — «смыслового блока», смысловой единицы дискурса [3, 12]), устанавливающей ее отличие от других «лексем» социологического дискурса в том, что относится к смысловой сфере. Иными словами, в различии несколько означающих взаимно придают форму друг другу, оказываются связанными друг с другом. Такое параллельное формирование двух групп означаемых и конституирует социологический смысл, поскольку любой социальный смысл (и социологический здесь не исключение) есть отношение [52].

Так, некоторые социологические суждения характеризуются смыслообразующим отношением концептов «Запад» и «Восток» — не просто тем, что в них встречаются эти концепты, а тем, что они используются для различения моментов дискурса и могут быть выделены в качестве «элементарного» регулярного смысла. Проиллюстрируем это на примере:

«Когда сталкиваешься с различным отношением к вере на Западе и в России, приходит мысль: дело в том, что христианство на Западе умирает само, а в России — было насильственно уничтожено» [17].

Именно регистрация подобных устойчивых абстрактных смыслопорождающих микроструктур, их «дифференциальное исчисление» лежит в основе нашего исследования смысловой структуры социологического дискурса, представляющей, таким образом, в виде дифференциальной структуры.

Наш подход к дискурсу связан с вычленением различий как «элементарных» смысловых структур, однако далеко не исчерпывается этим. Мы не ограничиваемся подсчетом социологических различий и их комбинаций, поскольку не разделяем точку зрения Клода Леви-Строса, что «элементы [структуры] того же масштаба, что и явления» [51], и дискурс можно определить в терминах функциональной модели. При некоторых условиях смысловые отношения порождают те или иные формы социологического дискурса, однако ни одно из этих отношений не связано с неким естественным, необходимым или оптимальным порядком дискурса. Иными словами, смысловые отношения носят локальный характер, и социологические суждения не могут быть представлены как результаты применения универсальных аподиктических правил, обоснованных трансцендентальным субъектом дискурса.

ОПИСАНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТА

С помощью просопографического метода [24, 31, 33, 38, 50, 62, 65] мы измеряли активные свойства авторов статей, т. е. свойства, придающие им власть и влияние в поле социальной науки [28]. Первоначально было отобрано 55 активных свойств, отражающих социальную траекторию и академические достижения (образование родителей, какой ВУЗ окончил, принадлежность к научной школе, аспирантура и т. п.), научное признание (переводы на иностранные языки, гранты, руководство престижными проектами и т. п.), институциональное признание (посты в административной системе науки или образования, членство в спецсоветах, редколлегиях и т. д.) и социальное признание (правительственные награды, премии, участие в экспертизе и т. п.) социолога [ср. 20, 57, 59]. По результатам измерений 20 показателей (место рождения, краткосрочные зарубежные командировки, руководство дипломными работами и т. п.) были отбракованы как не дифференцирующие выборку, и в дальнейшем мы работали лишь с 35 активными свойствами. Как показал анализ, выборку максимально дифференцировали переменные: «количество монографий, переведенных на иностранные языки», «количество публикаций в международных и иностранных научных журналах», «участие в работе органов государственного управления и экспертизе» и «членство в Академии наук».

Каждое «активное свойство» выражает такую определенность агента, которая обуславливает его различие с другими агентами в том, что касается власти и влияния в поле социальной науки. Активное свойство агента обнаруживается лишь в его отношениях с другими агентами. Поскольку активное свойство есть качественное понятие, постольку для описания поля социальной науки вводится соответствующая социологическая величина. Она представляет собой активное свойство агента, которое может быть выделено среди других свойств и оценено количественно. Например, важным активным свойством агента, придающим ему научную власть, понимаемую как способность реализовывать свои цели в распределении объективных ресурсов поля социологии, выступает активное свойство «быть руководителем НИИ/ВУЗ'а». В нашем исследовании с этим активным свойством соотносилась социологическая величина «руководство учреждением», принимавшая на выборке положительные целочисленные значения от 0 до 3: если агент не был руководителем учреждения, то 0; если он руководил одним учреждением, то 1; если агент возглавлял два учреждения (например, академический институт и факультет университета), то 2, и т. п. [ср. 26].

Нетрудно заметить, что социологические величины, передающие активные свойства агентов, суть интенсивные величины, проявляющиеся в отношении эквивалентности (т.е. в от-

ношении, в котором данное активное свойство X у различных агентов A и B оказывается тождественным или различным: либо $X(A) = X(B)$, либо $X(A) \neq X(B)$) и отношении порядка (т.е. в отношении, в котором данное активное свойство X у различных агентов оказывается больше или меньше, причем если $X(A) > X(B)$, то $X(B) < X(A)$, а если $X(A) > X(B)$ и $X(B) > X(C)$, то $X(A) > X(C)$) [см.: 49]. Путем сравнения значений социологической величины, выражающей активное свойство, можно определить различия в интенсивности данного активного свойства у агентов, т. е. выявить отношение между ними в том, что касается фиксируемого данной социологической величиной вида власти или влияния в поле социальной науки.

Помимо измерения активных свойств авторов статей, мы выделили из социологического дискурса множество конкретных «социологических различий» [9]. Каждое из них есть самостоятельный смысл. Будучи качественным понятием, «социологическое различие» в целях измерения дополняется соответствующей «социологической величиной». Такая социологическая величина есть одно из смысловых свойств (различий) социологического дискурса, в качественном плане идентичное для многих статей, а в количественном — различное. Подобных величин в нашем исследовании было выделено 137. Каждая из них количественно выражалась в виде абсолютной частоты, с которой она была обнаружена в той или иной статье. Так, социологическая величина, фиксирующая социологическое различие «универсальный/единичный», наблюдалась, например, в статье С.Ю. Глазьева 12 раз, в статье Л.Г. Ионина — 4 раза, в статье В.А. Ядова — 2 раза, а в статьях Т.И. Заславской и Н.И. Лапина — 0 раз. Легко видеть, что величины, отражающие социологические различия, обладают всеми свойствами интенсивных величин, рассмотренных выше при описании активных свойств, и, сверх того, для них характерно отношение аддитивности, когда частоты различий разных лексем или статей могут суммироваться.³ В силу этого величины, отображающие социологические различия, суть экстенсивные величины, значениями которых выступают соответствующие абсолютные частоты. Оказалось, что распределение таких социологических величин может быть представлено как логарифмически нормальное (простая гипотеза о согласии проверялась с помощью критерия Смирнова [5], и уровень значимости составил 0,91). Из литературы известно, что длина текстов, продуцируемых учеными за фиксированный промежуток времени, также подчиняется логарифмически нормальному закону [19]. Это совпадение подчеркивает

³ Отношение аддитивности задается аксиомами монотонности (однонаправленность аддитивности), коммутативности, дистрибутивности и ассоциативности. См.: [13].

валидность нашего результата, поскольку число социологических различий, найденных в тексте, связано с его длиной.

Далее, будем называть смысловым пространством дискурса совокупность эмпирических распределений социологических различий, на котором (социологически) определено отношение, ставящее в соответствие любым двум различиям вероятностное расстояние по строго определенному правилу. Из всех свойств множества социологических различий, полученных нами в результате эксперимента, мы рассматриваем лишь те, которые превращают это множество в смысловое пространство. Можно сказать, что на выборке социологических различий определена смысловая структура, если между различиями заданы метризуемые (формальные) отношения, воспроизводящие существенные статистические характеристики (содержательных) смысловых отношений. Понятно, что социологические различия образуют структуру лишь тогда, когда смысловые отношения приобретают устойчивый характер, обуславливая свойства социологического дискурса как смыслового целого.

Пусть γ_{ij} есть доля i -го различия, встретившаяся в j -й статье. Тогда в метрике Колмогорова ρ_0 расстояние ρ_{ik} между i -м и k -м различиями составит: $\rho_{ik} = \sup_{j=1, \dots, L} |\gamma_{ij} - \gamma_{kj}|$. Всего таких расстояний для 137 величин, выражающих социологические различия, было 9316; доверительный интервал ($P = 0,95$) для ρ_{ik} составил $0,218 \pm 0,0043$. Переход от значений интенсивных величин к вероятностным расстояниям между ними устраняет систематические ошибки измерения социологических различий и явным образом операционализирует понятие смыслового отношения. Поскольку метрика Колмогорова связана с понятием равномерной сходимости эмпирических распределений, постольку она допускает простую и наглядную интерпретацию в терминах этих распределений. Попытаемся проиллюстрировать это на примере.

Из эксперимента мы получили, что вероятностное расстояние (т. е. значение метрики Колмогорова) между социологическими различиями «истина/заблуждение» и «Восток/Запад» составляет 0,524. Это можно понимать так, что эмпирическое распределение различия «истина/заблуждение» отличается от эмпирического распределения различия «Запад/Восток» с вероятностью 0,524. Напротив, вероятностное расстояние между различиями «истина/заблуждение» и «многомерный/одномерный» оказалось равно 0,071. Значит, эмпирические распределения данных различий отличаются друг от друга с вероятностью всего лишь 0,071, т. е. на самом деле слабо отличаются. Таким образом, вероятностное расстояние между различиями есть показатель близости их смысловых структур: если вероятностное расстояние приблизительно

равно единице, то смысловые структуры социологических различий существенно разнятся, а если приблизительно равно нулю, то их смысловые структуры практически совпадают.

Эмпирическая функция распределения значений метрики Колмогорова $s_{ик}$ между различиями представляет смысловую структуру социологического дискурса. Пусть $\rho_1, \dots, \rho_{9316}$ — случайные величины, имеющие смысл вероятностного расстояния между социологическими различиями, а $\rho_{(m)}: \rho_{(1)} < \rho_{(2)} < \dots < \rho_{(9316)}$ — соответствующий вариационный ряд, т. е. те же расстояния, но расположенные в порядке возрастания. Здесь $\rho_{(1)} = \min\{\rho_1, \dots, \rho_{9316}\}$, $\rho_{(9316)} = \max\{\rho_1, \dots, \rho_{9316}\}$. Тогда эмпирическая функция распределения вероятностных расстояний между различиями определяется выражением: $F_{9316}(\rho) = 1/9316 \sum_m \delta(\rho - \rho_{(9316)})$, где $\delta(\rho)$ — единичная функция, равная 1, если $\rho > 0$, и равная 0, если $\rho < 0$, а суммирование ведется по m от 1 до 9316. Таким образом, мы рассматриваем смысловую структуру социологического дискурса, индуцируемую метрикой Колмогорова.

Аналогичным образом, будем называть социальным пространством социологического дискурса совокупность эмпирических распределений активных свойств авторов статей, на котором (социологически) определено отношение, ставящее в соответствие любым двум авторам значение метрики Колмогорова. Переход от значений экстенсивных социологических величин к значениям метрики Колмогорова дает возможность элиминировать систематические ошибки измерения активных свойств и операционализирует отношения власти и влияния в поле социальной науки. Всего вероятностных расстояний $\rho_{ик}$ для 99 агентов поля социальной науки было 4851, а доверительный интервал (при $P = 0,95$) для $\rho_{ик}$ составил $0,159 \pm 0,0034$. Каждое вероятностное расстояние между агентами поля социальной науки представляет собой вероятность того, что эмпирические распределения их активных свойств различаются. Поясним сказанное на примере.

Из эмпирических данных было получено значение вероятностного расстояния между В.А. Ядовым и Т.И. Заславской, равное 0,017. Это можно интерпретировать следующим образом: вероятность того, что эмпирическое распределение активных свойств В.А. Ядова и Т.И. Заславской различаются, составляет 0,017. Отсюда, их власть и влияние в поле социальной науки не отличаются сколько-нибудь значимым образом, т. е. между ними можно предположить отношение власти/влияния, практически, близкое к равенству. Далее, вероятностное расстояние между В.А. Ядовым и Ю.Л. Качановым оказалось равно 0,320. Следовательно, вероятность того, что эмпирические распределения активных свойств

В.А. Ядова и Ю.Л. Качанова не совпадают, оценивается как 0,320. Это значит, что власть и влияние этих агентов в поле не одинакова, и между ними существуют неравные властные отношения. Итак, вероятностное расстояние между агентами в пространстве активных свойств выступает показателем различия их власти и влияния в поле социальной науки. Если вероятностное расстояние между агентами приблизительно равно нулю, то они почти одинаковы по основной власти и влияния в дисциплине, а если приблизительно равно единице, то можно предположить, что один оказывает научное влияние и обладает специфической научной властью над другим.

Как и в случае смысловой структуры, будем считать операционализацией социальной структуры социологического дискурса $F_{4851}(\rho)$ — эмпирическую функцию распределения вероятностных расстояний между авторами в социальном пространстве дискурса.

СМЫСЛОВАЯ СХЕМА

Для отображения свойств социологических различий существенное значение имеет понятие смысловой схемы, которой ставится в соответствие группа различий. В смысловом плане, схема есть отражение существования и взаимодействия ансамбля специфических различий. Говоря формально, объединение социологических различий в одну смысловую схему выражает то, что они демонстрируют «близкие» (с точки зрения теории вероятностей) статистические регулярности [подробнее см.: 9]. Эта близость проявляется в некотором специфическом функциональном пространстве, сконструированном на основе эмпирических функций распределения различий. Существование этого пространства обнаруживается лишь в наблюдаемых свойствах частот, с которыми различия проявляются в дискурсе. Утверждается, что распределение условной вероятности совместного появления различий в одном тексте связано со специальными свойствами пространства эмпирических функций распределения, возникающими за счет существования практических схем, которые эмпирически интерпретируются как «кластеры» различий.

Однако что же представляет собой смысловая схема не с экспериментальной точки зрения, а со стороны своего концептуального содержания? Общепринято, что социологическое познание фиксирует себя в тематических понятиях, «однако при образовании тематических понятий... используют другие понятия и мыслительные модели... опери-

ругую интеллектуальными схемами, которые... совершенно не фиксируются предметно» [37]. Социологические понятия во многом не что иное как схемы того, что уже было схематизировано в обыденном опыте [61]. Участие любого агента в социальной действительности всегда опосредствовано схемами, имеющими социальный характер (в противном случае был бы невозможен интересубъективный характер социальных явлений.) Эти схемы являются надиндивидуальными структурами, выполняющими функции перцептивных и категориальных решеток. В русле кантианской традиции их можно было бы сравнить с историческими априорными формами чувственности и рассудка. Смысловая схема — условие возможности видения, оценивания и выражения социального явления в качестве предмета исследования, наделенного определенным смыслом. Ансамбль смысловых схем есть именно историческое *a priori* социологии потому, что он подвержен историческим изменениям и имманентен (хотя и надиндивидуален) социальной действительности. Будучи порождением практик и социальных структур, схемы социально структурированы: неравномерно распределены между индивидуальными и коллективными агентами.

Мы считаем, что конструктивная синтетическая практика социологического познания структурируется смысловыми схемами. Речь идет об отказе от образа социологического дискурса как построенного из понятий — элементарных кубиков «социологического мышления» — в пользу представления о социологическом дискурсе как ансамбле порождающих отношений или структур [ср. 48].

Социологический дискурс изначально не детерминирован специальными понятиями. Будучи по существу системой отношений, он сравнительно независим от того, в каких именно понятиях эти отношения воплощаются, и определяется, в том числе, способом соединения понятий в суждения: в нем понятия избирательно связываются в законченные предложения. Схема как раз и задает специфический принцип отношений между понятиями в лексеме. Так, смысловая схема «политическая история» есть принцип социологических суждений, выражающих «законченные мысли» о связи политической и социальной истории России. Иными словами, эта смысловая схема обосновывает и обеспечивает производство исторических предложений о пространстве социальных и политических свойств. В приведенном ниже перечне кратко описаны 17 смысловых схем, статистически сконструированных нами как кластеры 137 величин, которые отображали социологические различия [подробнее см.: 9].

Перечень смысловых схем социологического дискурса

Схема 1: «**Форма собственности**» обуславливает производство суждений, выражавших отношения по поводу обладания объектами

и контроля над ними. Это суждения об отношениях государства и предпринимателей, а также между государственной и частной собственностью (доля схемы — 3,4%).

Схема 2: «**Интересы**» задает суждения о направленности действий индивидов и групп (индивидуальной, групповой, общей) и об уровне согласованности интересов различных групп (доля схемы — 0,9%).

Схема 3: «**Компетенция**» обуславливает суждения, выражающие отношения между профессиональной иерархией (и местом агента в ней) и индивидуальными ресурсами агента. Это суждения, связанные с проблемами карьерного роста (знания и навыки, социальный капитал) или положением агентов на рынке труда (доля схемы — 0,9%).

Схема 4: «**Гендер**» обуславливает суждения либо описывающие эмпирические исследования, где признак пола выступал как показатель, дифференцировавший выборку, либо выражающий гендерные отношения в узком смысле (доля схемы — 2,8%).

Схема 5: «**Восток/Запад**» определяет суждения, сравнивающие (по различным основаниям) или противопоставляющие «развитые страны», «мировое сообщество» — России как «азиатской державе», переживающей «переходный период». Схема часто служила основанием классификации, в которой субъекту суждения (в зависимости от того, к какому полюсу он был отнесен) атрибутировались позитивные или негативные свойства (доля схемы — 7,0%).

Схема 6: «**Формальный/неформальный**» задает суждения, описывающие уровень организации и/или институционализации практик (доля схемы — 1,5%).

Схема 7: «**Социология/другие науки**» служит основанием производства суждений, описывающих как внешние границы социологии по сравнению с философией, экономикой и т. п., так и ее внутренние деления (теория/эмпирия, общая/отраслевые социологии и т. п.) (доля схемы — 4,0%).

Схема 8: «**Центр/периферия**» обуславливает суждения, выражающие отношения господства/подчинения через пространственное деление (доля схемы — 2,6%).

Схема 9: «**Социальная структура**» задает суждения, выражающие многообразные основания социальной дифференциации (доля схемы — 6,80%).

Схема 10: «**Силловые структуры**» выступает условием производства суждений, описывающих отношения «государство»/«население»/«силловые структуры». Хотя под последними подразумевались, в том числе, милиция и спецслужбы, выделение этой схемы в качестве самостоятельной обусловлено подборками статей по военной социологии, опубликованными в 1996 году (доля схемы — 7,0%).

Схема 11: **«Социальный порядок»** обуславливает суждения, определяющие социальный порядок с помощью универсальных различий (сложный/простой, естественный/искусственный, всеобщий/единичный и т. п.) (доля схемы — 6,9%).

Схема 12: **«Легитимность»** служит основанием производства суждений, артикулирующих разнообразные аспекты проблемы легитимации и делегитимации, столь актуальные для России середины 90-х годов (доля схемы — 19,50%).

Схема 13: **«Коммунизм/демократия»** соотносит два политических идеала. Она проявлялась в суждениях о политических конфликтах, противопоставляющих «правых» и «левых», а также стороны «электорального треугольника» «националисты» — «коммунисты» — «демократы» (доля схемы — 5,80%).

Схема 14: **«Гражданское общество/государство»** обуславливает суждения об отношениях основных структур демократического общества (доля схемы — 6,0%).

Схема 15: **«Наука/государство»** обуславливает суждения, описывающие отношения науки и государства как социальных институтов эпохи системного кризиса науки (доля схемы — 8,10%).

Схема 16: **«Элита/масса»** задает суждения, выражающие отношения социального неравенства (доля схемы — 6,40%).

Схема 17: **«Советский/постсоветский»** обуславливает суждения, описывающие трансформацию России как динамику перехода от одного состояния («советского») к другому («постсоветскому»). Схематизирует историческую границу совокупности предметов, которые исследует российская социология (доля схемы — 10,40%).

СМЫСЛОВАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Определив базовые понятия и измеряемые величины, мы можем приступить к описанию смысловой и социальной структур социологического дискурса, представленных соответственно на рис. 1 и рис. 2. Напомним, что каждое значение эмпирической функции распределения $F_n(\zeta)$ указывает вероятность обнаружить на выборке n значение вероятностного расстояния ρ такое, что $\rho < \zeta$.

Из рис. 1 видно, что вероятность встретить значение метрики Колмогорова для пары социологических различий меньше 0,6 равна 0,98, т.е. вероятностные расстояния между различиями, превышающие 0,6, встречаются очень редко. Далее, 95% значений вероятностных расстояний между социологическими различиями не превышает 0,5, а 75% значений — меньше 0,29. Это можно истолковать следующим образом.

В 95% случаев (парного сопоставления социологических различий) вероятность того, что смысловые структуры (т. е. эмпирические распределения) различий отличаются, будет меньше 0,5, а в 75% случаев эта вероятность меньше 0,29. Иными словами, смысловые структуры социологических различий не так уж разнятся, как может показаться на первый взгляд. Однако смысловая структура заметно отличается в сторону рассеяния от гауссова распределения: если бы выполнялся нормальный закон, то вероятностные расстояния между социологическими различиями были бы существенно меньше.

Как явствует из рис. 2, вероятность обнаружить вероятностное расстояние между двумя авторами в пространстве активных свойств, которое было бы меньше 0,49, составляет 0,98. То есть с вероятностью 0,98 вероятность того, что эмпирические распределения активных

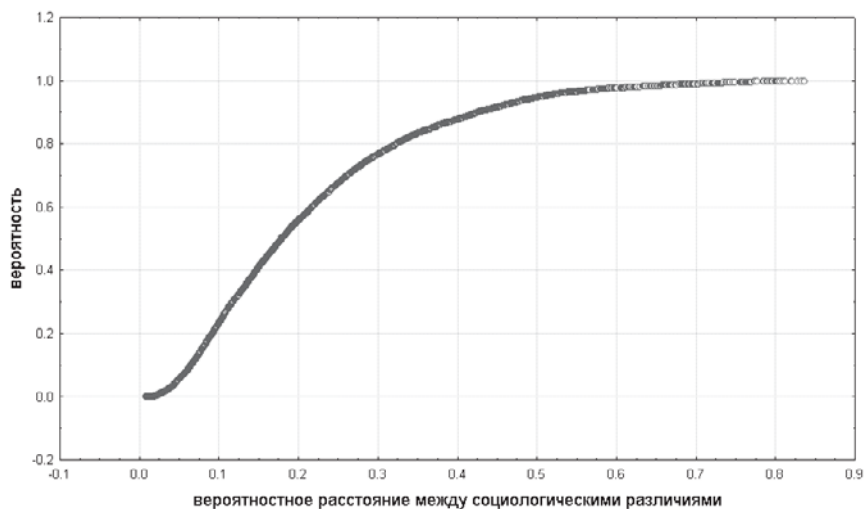


Рис. 1. Смысловая структура социологического дискурса (эмпирическая функция распределения различий)

свойств агентов различаются, окажется меньше 0,49. При этом 75% значений вероятностных расстояний между агентами в пространстве активных свойств меньше 0,215, а 50% значений — меньше 0,124. Значит, в 75% сопоставлений эмпирических распределений активных свойств агентов вероятность того, что эти распределения различаются, будет меньше 0,215, а для 50% парных сравнений эмпирических распределений активных свойств агентов вероятность того, что эти распределения разные, будет меньше 0,124. Отсюда следует, что в боль-

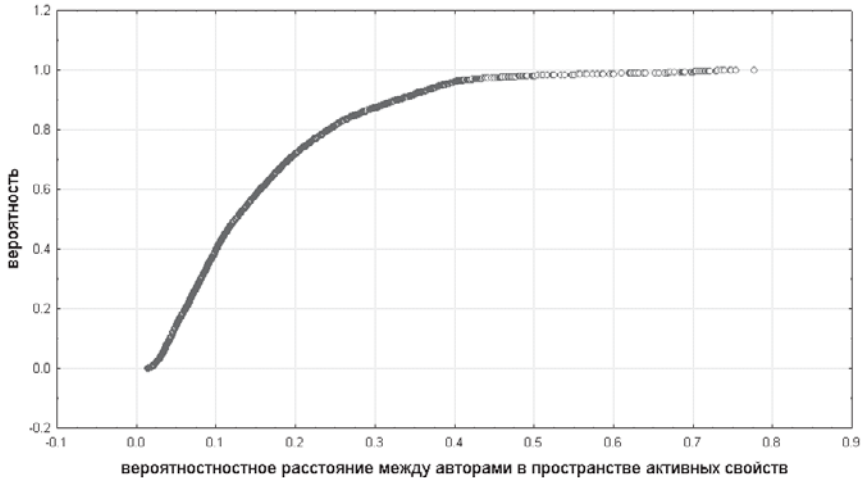


Рис. 2. Социальная структура социологического дискурса (эмпирическая функция распределения вероятностных различий между авторами в пространстве активных свойств)

шинстве случаев власть и влияние агентов в поле отличается не слишком значительно. Несмотря на то, что социальные различия между авторами не носят «катастрофического» характера, т.е. не могут быть однозначно сведены лишь к отношениям господства/подчинения, изученная нами социальная структура социологического дискурса отнюдь не являет собой пример недифференцированного «научного сообщества», сплоченного вокруг «центральных научных ценностей», которое изображает научная агиография [25]. Социальное пространство социологического дискурса представляет собой пространство более или менее неравной социальной игры, в которой участвуют агенты, наделенные неравными активными свойствами.

Мы можем вычислить среднее вероятностное расстояние от каждой смысловой схемы до всех социологических различий, что дает возможность расположить схемы в смысловом пространстве дискурса. На рис. 3 представлены смысловые схемы, «погруженные» в смысловую структуру социологического дискурса. Этот рисунок надо понимать так, что вероятность зафиксировать вероятностное расстояние между социологическими различиями меньше среднего вероятностного расстояния от схемы №3 («компетенция») до остальных смысловых схем, составляет 0,8. Для смысловой схемы №8 («центр/периферия») данная вероятность равна 0,73, и т. д. для каждой схемы. При этом вероятность того, что смысловая структура схемы «компетентность» в среднем отличается от смысловой структуры любой другой схемы, равна 0,33. Для

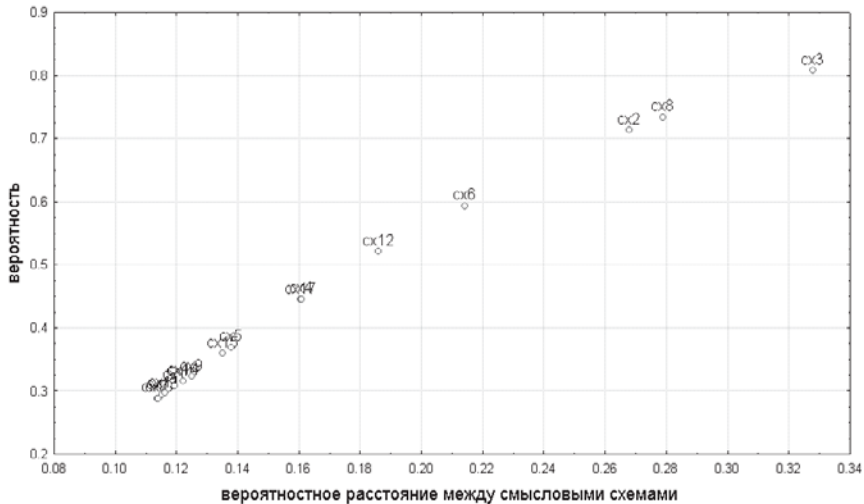


Рис. 3. Смысловые схемы в смысловой структуре социологического дискурса (обозначение схем см. в перечне)

схемы «центр/периферия» эта вероятность составит 0,28, и т. д. для оставшихся схем.

Главный вывод, к которому подводит нас рис. 3, заключается в том, что смысловые схемы №3 («компетенция»), №8 («центр/периферия») и №2 («интересы») видимо отличаются по своей структуре от остальных схем. Однако незначительные средние расстояния, характеризующие вероятность значимого расхождения их смысловой структуры со смысловой структурой других 14 схем, свидетельствуют в пользу того, что их нельзя рассматривать как маргинальные. Можно утверждать, что смысловая структура социологического дискурса представляет собой органическое целое, поскольку все, даже значительно отличающиеся от других, смысловые схемы играют в нем существенную и несводимую роль.

Вычислив средние вероятностные расстояния от каждого агента поля социальной науки до выборки в целом, возможно поместить агентов в социальное пространство дискурса. Рис. 4 изображает социальную структуру социологического дискурса с «погруженными» в нее авторами. Легко заметить, что на рисунке подавляющее большинство авторов концентрируется в области вероятностных расстояний от 0,1 до 0,19. То есть вероятность того, что эмпирические распределения активных свойств «большинства» разнятся, не превышает 0,19.

Перейдем от области концентрации агентов к область рассеяния, область самых значительных в выборке вероятностных расстояний.

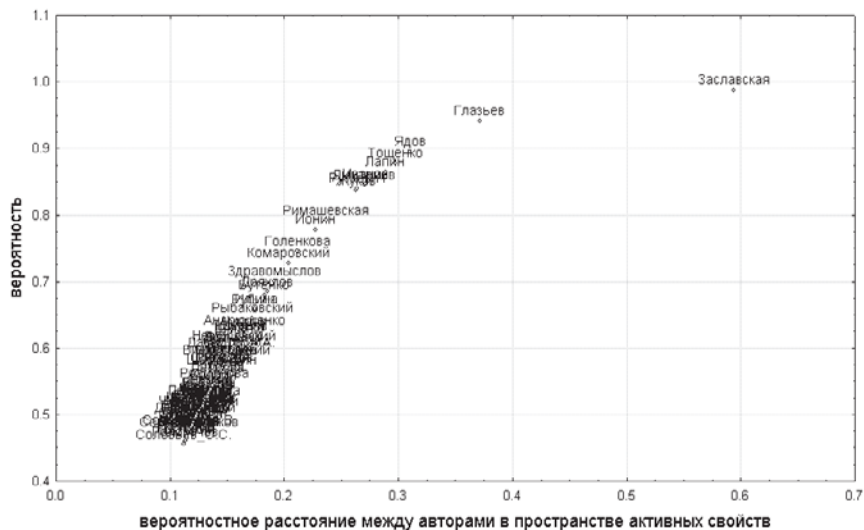


Рис. 4. Авторы в социальной структуре социологического дискурса

Нетрудно заметить, что вероятность обнаружить у какого-либо автора эмпирическое распределение активных свойств, отличающееся от такового у Т.И. Заславской, играющей роль правого предела графика, — не превышает 0,59, т. е. не может считаться статистически значимым. При этом вероятность того, что любое найденное вероятностное расстояние между авторами в пространстве активных свойств будет меньше 0,59, практически равна единице. Однако само по себе это расстояние, отделяющее эмпирическое распределение активных свойств Т.И. Заславской от других распределений, выражает не слишком напряженные отношения власти/влияния в поле социальной науки.

Точки, отображающие Т.И. Заславскую, С.Ю. Глазьева (не являющегося социологом, но интегрированного в поле социальной науки), В.А. Ядова, Ж.Т. Тощенко, Н.И. Лапина и др., заметно отстоят от основного массива авторов. Это говорит о том, что в поле социальной науки не слишком много агентов, выделяющихся своими активными свойствами. Наличие устойчивого⁴ «активного меньшинства», выделяющегося научным признанием и административными постами, есть свидетельство социальной дифференциации социологии. Исходя из персонального состава этого меньшинства, можно сказать, что они «...учреж-

⁴ Устойчивость здесь надо понимать статистически. Она обоснована тем, что вероятность найти вероятностное расстояние меньше, чем среднее расстояние от «активного меньшинства» до остальных, колеблется в пределах от 0,85 до 0,98.

дают как универсальную и неизбежную методологию процедуры опросов общественного мнения, проводимых на больших выборках, статистический анализ данных и формализацию результатов, устанавливая... эталон научной практики, наиболее благоприятствующий их личным и институциональным способностям» [6, с. 18].

ИЗОМОРФИЗМ СТРУКТУР СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Принцип неполноты знания в нашем исследовании проявляется в том, что мы отвлекаемся от свойств отдельных социологических смыслов и социологов, не связанных с отношениями между ними, и рассматриваем свойства этих отношений в рамках структуры дискурса. Для обозначения совпадения свойств социальной и смысловой структур используется понятие изоморфизма. Если они изоморфны, то любое социологическое утверждение, справедливое для социальной структуры, остается в силе и для смысловой структуры, и наоборот. Впервые гипотеза об изоморфизме социальной и смысловой структур применительно к полю литературы была высказана П. Бурдые [29]. Однако изоморфизм структур вовсе не означает, что одна из них порождает, производит другую. Значение изоморфизма состоит в том, чтобы, сопоставляя смысловую и социальную структуры дискурса, объективировать их доселе скрытые от нас свойства, распространить при помощи сравнения на смысловую структуру те регулярности, которые уже известны для социальной.

В нашем исследовании понятие «изоморфизм» относится к двум системам величин: выражающим активные свойства агентов поля социальной науки и отражающим смысловые свойства лексем социологического дискурса (т. е. социологические различия). Обе системы берутся вместе с заданными на них отношениями (власти/влияния — в первом случае, и смысловыми отношениями — во втором), которые операционализируются вероятностными отношениями.

«Формальное» определение структурного изоморфизма социологического дискурса таково. Пусть даны две эмпирические функции распределения $F_{9316}(\rho)$ и $F_{4851}(\rho')$, операционализирующие соответственно смысловую и социальную структуры социологического дискурса. Эти функции определяют отношения между $\rho_{(p)}$ и $\rho'_{(q)}$, т. е. между значениями метрики Колмогорова для смысловой и социальной систем дискурса. Смысловая и социальная структуры дискурса называются изоморфными, если существует такое взаимнооднозначное соответствие $\rho'_{(q)} = \varphi(\rho_{(p)})$, $\rho_{(p)} = \psi(\rho'_{(q)})$ (где $\rho_{(p)}$, $\rho'_{(q)}$ — любые), что из наличия $F_{9316}(\rho)$ вытекает $F_{4851}(\rho')$, и наоборот. В нашем случае функции $\varphi(\rho_{(p)})$ и $\psi(\rho'_{(q)})$ должны быть статистически устойчивы, чтобы повторное изме-

рение величин дало тот же результат. В силу этого для установления изоморфизма мы использовали статистический критерий Смирнова [5] для проверки гипотезы о том, что две независимые скалярные выборки подчиняются общему распределению. Полученное нами значение статистики Смирнова ($Z = 0,524$) доказывает, что с доверительной вероятностью 0,851 распределение вероятностных расстояний между социологическими различиями в пространстве статей и распределение вероятностных расстояний между социологами в пространстве их активных свойств извлечены из одной выборки.

Таким образом, факт изоморфизма смысловой и социальной структуры дискурса можно считать установленным. Этот изоморфизм свидетельствует в пользу того, что социологический дискурс есть по преимуществу социальный феномен. Это опредмеченные коллективные социологические практики агентов, интегрированных в производство «социологических знаний», которые общественно признаются именно научными знаниями, вне зависимости от их отношения к истине [10, с. 220-221]. Социологическое производство есть познание действительности в пределах определенного ансамбля социальных структур и посредством его.

Все единичные дискурсы социологов, т. е. все индивидуальные способы производства связанных систем социологических суждений, предстают именно как коллективные формы социологических практик, обусловленных структурами. Субъектом социологического дискурса *de facto* выступает не «свободно парящий» над социальными детерминациями автор, рассматриваемый в абстракции от всего того, что его сформировало в прошлом и продолжает обуславливать в настоящем, а ансамбль агентов, интегрированных в социальные отношения производства социологических знаний и взаимно определяющих друг друга, который реально и создает дискурс [10, с. 9]. Отдельный же социолог выступает как нечто по существу произведенное, проявляясь как субъект социологического дискурса ровно в той мере и тех границах, в которых он вписан в социальную и смысловую структуру этого дискурса.

Сам факт изоморфизма вовсе не означает, что социальная структура есть причина смысловой. Изоморфизм в нашем случае сводится к следующему: если социальная структура конституируется определенным ансамблем отношений, то это верно и для смысловой структуры. Следовательно, говоря о социологическом объяснении смысловой структуры через социальную, мы в конечном счете утверждаем лишь то, что обе они порождаются одной и той же системой отношений, которую мы интерпретируем как «научное производство» или «поле социальной науки». Выбрав в качестве основания изоморфизма социальную, а не смысловую структуру дискурса, мы не только отдаем дань социологической традиции [39, 42, 47], но и стремимся использовать в

качестве базиса сравнения более устойчивое и «инерционное», менее «субъективное» и легче измеримое явление. Социальную структуру социологического дискурса, изоморфную его смысловой структуре, можно интерпретировать как «модель» последней.

Изучение структуры социального пространства дискурса и структуры его смыслового пространства с *формальной* точки зрения представляет собой одну и ту же задачу, однако *содержательные* результаты, конечно, не совпадают. Наглядное изображение изоморфизма социальной и смысловой структур приведено на рис. 5. Этот рисунок показывает замкнутое пространство обращения социологических смыслов и знаков признания внутри социальной науки. Из него, в частности, видно, что социальные различия социологического дискурса выражены менее ярко, нежели смысловые. Например, максимальному вероятностному расстоянию в пространстве активных свойств в 0,79 соответствует максимальное расстояние между социологическими различиями всего в 0,19. Иными словами, авторы больше дифференцируются производимыми ими смыслами, нежели их властью и влиянием в поле социальной науки.

Таким образом, социологический дискурс осуществляется в качестве системы специфических научных практик (но не в том значении, которое придается «практике» [63, 64]), направленных на совокупность социологических смыслов как на свой идеальный предмет. Будучи раз-

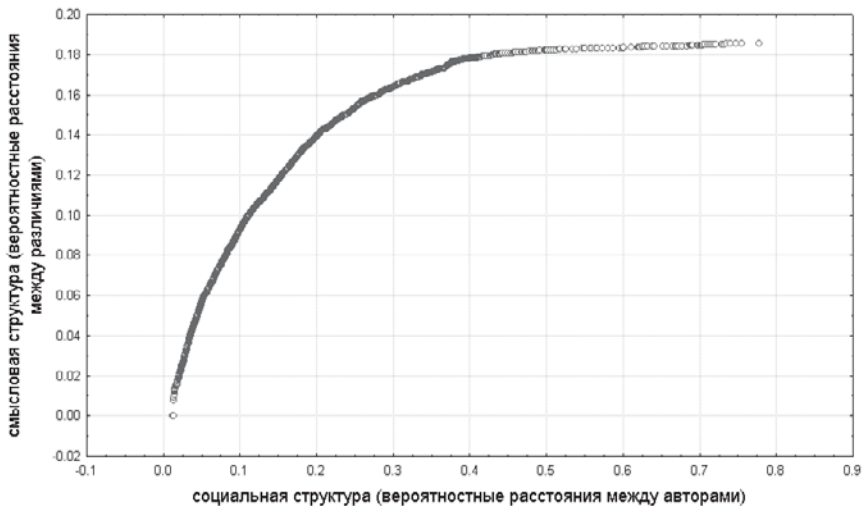


Рис. 2. Кривая, реализующая изоморфизм социальной и смысловой структур социологического дискурса

новидностью научных практик, социологический дискурс обусловлен существующими вне него предпосылками и условиями, с которыми вынужден считаться как с внешними социальными обстоятельствами, наличествующими независимо от него. «То, что Кант называл «формами созерцания и рассудка», для... опыта суть *данности*... Конечно... в науке они никогда не «даны», однако они *действуют* там <...> Пространственность, вещность, действительность, движение, изменение и т. д. не привносятся в данное так называемым «рассудком», выступая в качестве форм синтеза его связующей деятельности, и не абстрагируются [из него]; они суть материальные феномены особого рода...» [16]. Иначе говоря, «формы созерцания и социологического рассудка» суть социальные формы социологических практик.

Найденный нами изоморфизм смысловой и социальной структуры социологического дискурса подводит нас к пониманию смысловых социологических различий как интериоризированных социальных различий, структурирующих производство социологических знаний. Анализируя социологический дискурс не только в его смысловых отношениях, но и в структуре его социальной организации, мы не выходим за рамки исследования дискурса.

Однако смысловые схемы полагаются нами не как внешняя форма манифестации социальной структуры социологического дискурса, не как лишь «научные институты» в их субъективном и внешнем проявлении, и не как только результат действий по распределению научной власти и влияния [ср. 32]. Социологические различия не исключительно «дискурсивная фаза» борьбы за власть и влияние в дисциплине, не только экстериоризация ранее интериоризированных социальных структур, но и специфическая форма выражения истины конституируемого социологией «социального мира».

Социолог как агент научного производства «присваивает» не готовые результаты развития социологического дискурса, а лишь результаты вместе с производством, их породившим и порождающим, т. е. вместе с социальной и смысловой структурой, их обуславливающей. Данные структуры от начала до конца исполнены чрезвычайно напряженной диалектикой, т. е. развиваются через противоречия между социальными и смысловыми позициями. Иные, т. е. оппозиционные по отношению к собственной позиции агента в смысловой структуре, смысловые позиции социологического производства выступают для него чем-то чужим или даже враждебным, чем-то таким, что всю профессиональную жизнь противостоит ему как внешние и чужие «силы». Такие силы, как «феноменология», «классика», «неомарксизм», персонифицируются в лице социологов ранга А. Шюца, М. Вебера или Ю. Хабермаса. Большинству агентов социологического производства уготовано оставаться объектами этих смысловых сил, персонифици-

рованных в немногих «героях духа», претерпевая их влияния и лишь изредка получая возможность оказать ответное воздействие.

Однако по какой причине большинство социологов, даже усвоив высшие проявления социальной науки, играют, тем не менее, в процессе ее развития роль лишь более или менее инертной «материи», через активное «оформление» которой реализуют себя точки зрения других социологов, у которых нашлись силы выразить собственное видение социальной действительности, т. е. тех «избранников судьбы», которым выпало персонифицировать доминирующие позиции смысловой структуры? Да просто потому, что реализация индивидуальных смыслов не есть произвольный мыслительный акт, а имеет своим необходимым условием смысловую структуру дискурса. Эти индивидуальные объективации смысловой структуры, взятые как содержательное единство, определяются совокупностью условий, лежащих вне сферы смыслов как таковой, а именно — социологическим производством.

Мы лишь «доводим до сведения» социологов смысловую структуру, обуславливающую их собственный дискурс. Однако сами они могут не осознавать составляющих данную структуру смысловых схем, подчиняясь им под влиянием обстоятельств, под давлением всей совокупности социальных фактов, внутри которых они производят свой дискурс [40]. Эти безличные смысловые схемы статистически открываются в коллективном социологическом дискурсе как субъективные структуры, обуславливающие дискурс каждого отдельного социолога.

Раскрытие того обстоятельства, что смысловая структура социологического дискурса — это не автономное выражение «научного разума», а область, которая в своей специфической форме активно воспроизводит различия, обусловленные производством социологических знаний как системой социальных структур, и составляет один из главных результатов нашего исследования. Именно такое представление выступает предпосылкой как эпистемологического, так и практического разрешения проблемы социологического дискурса.

Однако мы ни в коем случае не утверждаем, что истина и реальность социологического дискурса заключаются в его социальной структуре. Подобное положение лишь мистифицирует и социальную, и смысловую структуру дискурса, недопустимо упрощая суть дела, и превращая первую в (однозначно детерминистскую, механистическую) причину второй. Понять ансамбль социологических различий — вовсе не значит свести его к совокупности социально-организационных условий, описать в терминах социальной структуры. Подобное понимание есть старинный и живучий предрассудок классической социологии — так называемый «социологизм». Одно дело — интерпретировать социологический дискурс как предмет исследования, обнаруживающий структуры, произ-

водимые и воспроизводимые социально, т. е. как момент производства социологических знаний. Но совсем другое — выдавать обнаруженную социальную структуру научного дискурса за схему и закон процесса, порождающего все конкретные социологические различия.

Подчеркнем, что социологический дискурс осуществляет не «отдельно стоящий» исследователь наедине с собой, а только ансамбль профессиональных (т.е. прошедших профессиональное обучение и социализацию) социологов, интегрированных в общие для них всех социальные отношения, объединенных субъективными (и в том числе — языковыми) структурами и т.п. Иными словами, социологический дискурс производится не в монологе внутренней речи, а в непрерывных диалогах и взаимодействиях в процессе производства социологических знаний. Смысловая структура понимаемого таким образом социологического дискурса изоморфна его социальной структуре и обусловлена всей системой производства социологических знаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы установили изоморфизм смысловой и социальной структур социологического дискурса. Это означает, что и смысловая и социальная структура учреждаются одними и теми же отношениями. Ансамбль этих отношений есть ничто иное как научное производство. Отсюда непосредственно следует, что социологический дискурс есть продукт социологического производства, включенный в это производство в качестве его необходимого момента. Можно пойти еще дальше. Очевидно, что социологическое производство есть элемент социальной действительности. Значит, социологический дискурс в конце концов представляет собой символическое выражение отношений социальной действительности, произведенное в рамках этой действительности и интегрированное в нее.

Установив факт изоморфизма смысловой и социальной структур социологического дискурса, мы тем самым продемонстрировали, что данный дискурс не может быть охарактеризован как отражение или репрезентация социальной действительности, продуцируемое вне границ этой действительности «свободно парящим» теоретическим разумом. Скорее всего, такой автономный социологический разум, сам устанавливающий законы своего функционирования, невозможен.

Ансамбль социологических смыслов определен некоторыми свойствами и характеристиками поля социальной науки. Социологическое производство, подобно всем другим, обусловлено и ограничено исторически переходящими условиями и обстоятельствами. Вовлеченные в него социологи, коль скоро они специально не исследуют данные и посланные им социальные и смысловые структуры, не в состоянии рас-

крыть их временность и ограниченность [ср. 30]. Располагая весьма небольшими возможностями для самообъективации, многие социологи наивно и некритично квалифицируют детерминирующие их социальные и смысловые структуры как «универсальный закон» существования науки. Особенно прискорбно, что к их числу относятся многие специалисты в области социологии знания и науки, не обращающие внимание на то, что их профессиональная точка зрения ангажирована их позицией в социальных и смысловых структурах.

В обыденном сознании социологов смыслы социологического дискурса, которые на самом деле выражают ансамбль социальных отношений швейной научного производства, предстают в качестве «естественных» свойств социологических суждений. Таким образом сущность иллюзии, свойственной повседневному представлением социологов, заключается в нераспознавании отношений между структурой социологического производства и социологическим дискурсом как одним из ее моментов. А именно, социологические смыслы, которые в действительности являются эффектом структуры поля социальной науки, воспринимаются как непосредственные свойства одного элемента этой структуры — социологических суждений.

Факт изоморфизма социальной и смысловой структур социологического дискурса позволяет нам уточнить определение самой смысловой структуры: ее онтологический статус не совпадает с онтологическим статусом смысла, поскольку она в данном случае является внешней по отношению к сфере смыслов действительностью социального порядка научного производства, которая его тем не менее определяет. Формулируя несколько иначе: смысловая структура социологического дискурса имеет своим местом не множество социологических смыслов, а находится в самой социальной действительности науки, в практиках и диспозициях социологов. Сама действительность поля науки обусловлена этой структурой. Избегающие объективации или «наивные» социологи остаются в неведении отнюдь не относительно эмпирической действительности социальной науки. Напротив, они могут прекрасно осознавать обстоятельства своих действий, истинное положение вещей. Однако не объективировав структуры научного производства, они продолжают действовать так, как если бы ничего не знали об устройстве социологического дискурса и о социальном порядке дисциплины. То есть смысловая структура социологического дискурса обуславливает не знания социологов о действительности, а структурирует саму эмпирическую действительность, в которой они производят свои дискурсы. Именно так надо понимать известное изречение К. Маркса: «Они не сознают этого, но они это делают» [11].

Изоморфизм смысловой и социальной структур социологического дискурса представляет собой разрыв, отрицающий универсализм

системы социологических понятий. Наличие данного разрыва совсем не означает, что эта система просто еще не вполне осуществилась, но в будущем может достичь совершенной зрелости. Наоборот, разрыв системы социологических смыслов, принимающий вид изоморфизма структур научного дискурса, представляет собой ключевой момент этой системы, который ее и учреждает. Вернее, установленный нами изоморфизм выступает как момент производства социологических смыслов, гетерогенный этим смыслом и одновременно необходимый данному производству для его нормального осуществления. Иными словами, изоморфизм смысловой и социальной структур отрицает универсальное аподиктическое концептуальное основание социологических смыслов, и в то же время позволяет им достичь своей завершенной формы. Эта завершенность формы есть ее рефлексивность и замкнутость: доказав факт изоморфизма социальной и смысловой структур своего дискурса, социология объясняет самое себя с помощью собственного метода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ажеж К.* Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки / Пер. с франц. Б.П. Нарумова. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 142.
2. *Аристотель.* Метафизика // *Аристотель.* Соч. В 4-х т. Т. 1. / Ред. тома В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. 1021a-1021b. С. 167-168.
3. *Барт Р. S/Z* / Пер. с франц. Г.К. Косикова и В.П. Мурат; Общ. ред. и ст. Г.К. Косикова. М.: Ad Marginem, 1994. С. 24-25.
4. *Бозе Н.* Смысл / Пер. Н.Ю. Бокадоровой // Французские общие, или философские, грамматики XVIII — начала XIX века. Старинные тексты: Пер. с франц. / Сост., вступ. ст. Н.Ю. Бокадоровой. М.: Прогресс, 2001. С. 339.
5. *Большев Л.Н., Смирнов Н.В.* Таблицы математической статистики. М.: Наука, 1983.
6. *Бурдые П.* Поле науки / Пер. с франц. Е.Д. Вознесенской и Н.А. Шматко // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе / Отв. ред. Н.А. Шматко. М.: Праксис; Институт экспериментальной социологии, 2004.
7. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 10.
8. *Гийому Ж., Мальдидье Д.* О новых проблемах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с франц. и португал. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; Предисл. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1999. С. 125-126.
9. *Качанов Ю.Л., Маркова Ю.В.* Социологические различия и практические схемы социологов: опыт эмпирического изучения // Социология: 4М. 2003. №16. С. 70-85.

10. Манхейм К. Идеология и утопия / Пер. М.И. Левиной // Манхейм К. Диагноз нашего времени: Пер. с нем и англ. М.: Юрист, 1994.
11. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 84.
12. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. М.: УРСС, 2003. С. 59-60.
13. Пфанцагль И. при участии В. Баумана и Г. Хубера. Теория измерений / Пер. с англ. В.Б. Кузьмина; под ред. С.В. Овчинникова. М.: Мир, 1976.
14. Серю П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Пер. с франц. и португал. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серю; Предисл. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1999. С. 26-27.
15. Фреге Г. Смысл и значение / Пер. В.А. Куренного // Фреге Г. Избранные работы: Пер. с нем. / Сост. В.В. Анашвили, А.Л. Никифорова. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1997. С. 25-49.
16. Шелер М. Феноменология и теория познания / Пер. А.В. Денежкина // Шелер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; Под ред. А.В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. С. 239-240.
17. Шубкин В.Н. Страхи в России // Социологический журнал. 1997. №3. С. 72.
18. Ядов В.А. А все же умом понять Россию можно // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С. 13.
19. Aitchison J., Brown J. The lognormal distribution. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 1963.
20. Allen D.E. Arcana ex multitudine: Prosopography as a research technique. Archives of natural history. 1990. Vol. 17. №3. P. 349-359.
21. Anscombe G.E.M. The question of linguistics idealism // Acta Philosophia Fennica. 1976. Vol. 28. P. 188-215.
22. Barnes B. Social life as bootstrapped induction // Sociology. 1983. Vol. 4. P. 525-545.
23. Barnes B. The nature of power. Cambridge: Polity Press, 1988.
24. Beach G. Prosopography // Medieval studies / Ed. by J.M. Powell. N.Y.: Syracuse University Press, 1976. P. 151-184.
25. Ben-David J. Éléments d'une sociologie historique des sciences. Paris: P.U.F., 1997.
26. Blalock H. Measurement and conceptualization problems // American Sociological Review. 1979. Vol. 44. P. 881-894.
27. Bloor D. Wittgenstein: Rules and institutions. L.: Routledge, 1997.
28. Bourdieu P. Homo academicus. Paris: Éditions de Minuit, 1984.
29. Bourdieu P. Les Règles de l'art. P.: Éd. du Seuil, 1992.
30. Bourdieu P. Science de la science et réflexivité. P.: Éd. Raison d'agir, 2001. P. 167-220.
31. Bulst N. Zum Gegenstand und zur Methode von Prosopographie // Medieval lives and the historian: studies in Medieval prosopography: Proceedings of the First International Interdisciplinary Conference on Medieval Prosopography, University of Bielefeld, 3-5 Dec. 1982 / Ed. by N. Bulst, J.-Ph. Genet. Kalamazoo, Mi.: Medieval Institute Publ., 1986. P. 1-16.

32. *Chalmers A.F.* Science and its fabrication. Milton Keynes, UK: Open University Press, 1990.
33. *Clapier-Valladon S., Poirer J.* L'Approche biographique. Réflexions épistémologiques sur une méthode de recherche. Nice: Éditions Nice-Cum, 1983.
34. *Deleuze G.* Logique du sens. P.: Éditions de Minuit, 1969. P. 22-27.
35. *Dettmann U.* Der Radikale Konstruktivismus. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck) Verlag, 1999.
36. *Ernest P.* Social constructivism as a philosophy of mathematics. Albany, NY: State University of New York Press, 1998.
37. *Fink A.* Operative Begriffe in Husserls Phaenomenologie // *Fink A.* Nähe und Distanz. Freiburg: Alber Verlag, 1976. S. 185.
38. *Fuchs W.* Biographische Forschung. Eine Einführung in Praxis und Methoden. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984.
39. *Fügen H.N.* Die Hauptrichtungen der Literatursoziologie. Bonn: Bouvier Verlag, 1964.
40. *Gilbert M.* On social facts. L.: Routledge, 1989.
41. *Glaserfeld E. von* Radikaler Konstruktivismus. Ideen, Ergebnisse, Probleme. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1997.
42. *Goldmann L.* Pour une sociologie du roman. P.: Éd. Gallimard, 1964.
43. Hermeneutische Wissenssoziologie. Standpunkte zur Theorie der Interpretation / Hrsg. von R. Hitzler, J. Reichertz, N. Schruer. Konstanz: Universitätsverlag Konstanz, 1999.
44. Interpretative Sozialforschung. Auf dem Weg zu einer hermeneutischen Wissenssoziologie / Hrsg. von N. Schröer. Opladen: Leske & Budrich Verlag, 1994.
45. Interpretative Verfahren in den Sozial- und Textwissenschaften / Hrsg. von H.-G. Soeffner. Stuttgart: Metzler Verlag, 1979.
46. *Itkonen E.* Grammatical theory and metascience. L.: Groom Helm, 1978.
47. *Jameson F.* The political unconscious: narrative as a socially symbolic act. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press; London: Methuen, 1981. P. 17-102.
48. *Jokisch R.* Logik der Distinktionen. Zur Protologik einer Theorie der Gesellschaft. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996.
49. *Kranz D.H., Luce R.D., Suppes P., Tversky A.* Foundations of measurement. Vol. 1. N.Y.: Academic Press, 1971.
50. *Lamnek S.* Qualitative Sozialforschung. Bd. 1: Methodologie, Bd. 2: Methodiken und Techniken. 3. Aufl. München; Weinheim: Psychologie Verlags Union, 1995.
51. *Lévi-Strauss C.* Méthodes et enseignement. Anthropologie structurale II. Paris: Éd. Plon, 1973. P. 311.
52. *Luckmann T.* Theorie des sozialen Handelns. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter Verlag, 1992. S. 31.
53. *Osgood C.E.* Studies on the generality of affective meaning systems // *American Psychologist.* 1962. Vol. 17. P. 10-28.
54. *Osgood C.E., May W.H., Miron M.S.* Cross-cultural universals of affective meaning. Urbana, Il.: University of Illinois Press, 1975.
55. Phenomenology and sociology: Selected readings /Ed. by T. Luckmann. Harmondsworth, U.K.; N.Y.: Penguin Books, 1978.

56. *Piaget J.* Le Structuralisme. P.: P.U.F., 1974.
57. *Pyenson L.* «Who the guys were»: Prosopography in the history of science // History of Science. 1977. Vol. 15. P. 155-188.
58. *Shapin S., Thackray A.* Prosopography as a research tool in history of science: The British scientific community, 1700-1900 // History of Science. 1974. Vol. 12. P. 1-28.
59. *Searle J.R.* The construction of social reality. L.: Allen Lane, 1995.
60. *Seriot P.* Structure et totalité: Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale. P.: P.U.F., 1999. P. 183.
61. *Schütz A.* Common-sense and scientific interpretation of human action // *Schütz A.* Collected papers. Vol. 1. The problem of social reality / Ed. by M. Natanson. Boston; The Hague: Martinus Nijhoff, 1982. P. 5-7, 59.
62. *Stone L.* Prosopography // *Daedalus*. 1971. Vol. 100. №4. P. 46-79.
63. *Tuomela R.* The philosophy of social practices. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002.
64. *Turner S.* The social theory of practices: tradition, tacit knowledge, and presuppositions. Cambridge, UK: Polity Press, 1994.
65. *Werner K.F.* L'Apport de la prosopographie a l'histoire sociale des élites // Family trees and the roots of politics. The prosopography of Britain and France from the tenth to the twelfth century / Ed. by K.S.B. Keats-Rohan. Woodbridge: Boydell Press, 1997. P. 1-21.